

В ТРАПЕЗНОЙ, ЗА ЧАШКОЙ ЧАЯ

Статья опубликована в газете «Вера-Эском» (№ 683, май 2013 г.)

Источник <http://www.rusvera.mrezha.ru/683/7.htm>

«Партийный» староста

Стефановский крестный ход в селе Вильгорт

Со старостой Сретенского молитвенного дома с. Вильгорт Республики Коми Николаем Ивановичем Чувьюровым я познакомился в храме. Как и положено, он почти со всей семьёй пришёл на воскресную службу. А она у них большая и, как я успел заметить, дружная: трое уже

взрослых детей и внуки: семь мальчиков и одна внучка Дашенька.

После службы, пока батюшка был занят с прихожанами, Николай Иванович рассказывал мне о храме, в строительстве которого принимал самое активное участие. Человек он на селе заметный – долгое время был заместителем главы Сыктывдинского района по социальным вопросам, а до этого много лет проработал на номенклатурной работе. Это обстоятельство меня больше всего и заинтересовало: как бывший партийный руководитель стал активным прихожанином, да ещё церковным старостой?

– У меня мать всегда была верующей, – отвечает на мой вопрос Николай Иванович. – Она никогда не боялась открыто исповедовать веру. Родился я в Зеленце, там родители мои всю жизнь прожили. Они были бакенщиками, имели право останавливать на реке любое судно и попутно добирались, куда им было нужно. Так мать постоянно плавала в Кочпон, чтобы попасть в храм на большие праздничные службы. И дома всегда молилась. Иконы у нас старинные в красном углу стояли, отношение к ним у всех было благоговейное.

Во время нашего разговора то и дело к старосте подбегала четырёхлетняя внучка Дашенька, постоянно что-то спрашивала у него, требуя внимания, и Николай Иванович терпеливо отвечал на вопросы девчушки. А как же иначе? Дедушка есть дедушка. Для внучки он сейчас как для взрослых Николай Чудотворец: всё может, всё умеет, всем поможет.

– Как я на партийную работу попал? – переспрашивает Николай Иванович. – В армии меня назначили заместителем секретаря комитета комсомола роты. После армии десять лет работал на строительстве дорог: начинал плотником-бетонщиком, а потом меня поставили бригадиром, и пошло – мастер, прораб, начальник участка... Вступил в партию, а партийных людей тогда бросали, как сегодня военных. Сначала назначили в райкоме партии инструктором. Потом направили в колхоз села Палевицы – секретарём парткома. Пожилые женщины тогда стали поговаривать об открытии молитвенного дома в селе и собирались пригласить священника, а я, будучи секретарём парткома, их в этом поддерживал.

Секретарём я проработал до развала партии в 1991 году. После этого меня избрали председателем сельсовета. Шла перестройка, как раз в этот период я стал в церковь захаживать. Перекрещусь, свечку поставлю, помяну кого надо и уйду. Хотя тогда ещё были люди, которые специально ходили по храмам, выглядывали и доносили, не приходят ли туда коммунисты. Я этого никогда не боялся.

Став замглавы районной администрации по социальным вопросам, я уже официально курировал отношения с Церковью. Десять лет был ответственным за безопасное движение Стефановского крестного хода, за питание и размещение паломников. Первые годы крестный ход ГАИ и казаки не сопровождали, так я брал у начальника ГАИ – благо он был моим товарищем – фуражку и милицейский жезл и шёл обеспечивать безопасность продвижения крестоходцев по трассе. Только когда на третий день все люди из Иба разъезжались по домам, я мог быть спокоен.

Вот уже пять лет, как Николай Иванович вышел на пенсию, а заботы о Стефановском ходе не оставляют его. Теперь от прихода встречает и кормит крестоходцев в храме села Вильгорт.

Николай Иванович Чувьюров с внучкой Дашенькой

Николай Иванович показал мне храмовые помещения, и мы снова возвратились в трапезную, где после воскресной службы собрались на чаепитие прихожане.

– Так вы и приход батюшке помогли организовывать? – спрашиваю Николая Ивановича.

– Нет, документацией сам отец Дмитрий занимался. Мы с женой помогли ему общину собрать и ещё делали всё, что попросит.

– К нам обратились с просьбой верующих людей найти, списки составить, – вступает в разговор супруга Надежда Михайловна. – Мы таких нашли. До нужного количества троих человек не хватило. Добавили себя да нашу знакомую Валентину Ивановну. И вот мы трое – добавленные – только и остались из того списка, остальные лишь на первое собрание пришли.

– Конечно, нужно было работать, храм строить, – говорит Николай Иванович. – На его строительство вначале всего несколько человек приходило. Валентина Ивановна с первых дней обеда нам готовила, всех строителей кормила. Мы не успеваем отойти от стола, она уже окна, двери моет, подметает везде. Одна из наших активных прихожанок, Любовь Ивановна, тоже с самого начала нам во всём помогала, штукатурила тут всё.

– Любовь Ивановна у нас на каждую службу приходит, – хвалит свою прихожанку настоятель о. Дмитрий Хрусталёв. – Правда, последнее время часто болеет. Ей скоро 80 лет будет, трудную жизнь прожила. И вот после каждой проповеди обязательно скажет мне: «Спаси Господи!» А если её нет и я не слышу этих слов, когда захожу в алтарь, мне как будто чего-то уже не хватает, сразу её отсутствие чувствую.

Церковные записки

Любовь Ивановна Вологодина родом из-под Великого Устюга, из деревни Оленьково, что в 12 километрах от города. Всю свою жизнь она прожила под молитвенным покровительством великого устюжского святого Прокопия Праведного.

– Семья у нас верующей была, – рассказывает Любовь Ивановна. – Всех пятерых детей родители крестили в Преображенской церкви соседского села Щёкино. В 40-е годы в деревне было голодно, и родители решили переехать в Архангельск. Мне тогда годика полтора всего было, когда мы на лошадях отправились в это длительное путешествие.

Я была самая младшенькая из детей, мама была беременна шестым ребёнком. Потом мама рассказывала мне, что я постоянно редела в дороге, потому что телегу трясло. И меня приходилось нести на руках.

В Архангельске устроились у родственников, а вскоре началась война. Помню, как город постоянно бомбили немецкие самолёты. Здесь во время войны очень много людей погибло. По смертности населения Архангельск – второй город после блокадного Ленинграда. У нас в войну папа погиб, когда плавал на пароходе, а моя 15-летняя сестра и младший братик заболели воспалением лёгких, потому что жили мы в неотапливаемом доме. А пневмонию вылечить невозможно – антибиотиков тогда не было.

И вот мама, чтобы спасти остальных, решила вернуться в деревню. Мы приехали в свой дом, а его уже разломали наполовину, даже трубу от печки разобрали на кирпичи.

Приехали мы в сентябре, когда в полях всё уже было убрано, есть нам нечего, и картошек хлебных нет, и денег тоже. Слава Богу, родственники помогли. Родная тётя, жившая в Устюге, стала для меня второй мамой. У неё ребёночек умер ещё в младенчестве, больше детей не было, так она за мной как за дочерью ухаживала. Постоянно в храм Прокопия Праведного ходила и меня туда брала. Мне лет восемь было, до сих пор помню неопишемую красоту там. Иконостас позолоченный сияет, сейчас-то он потемнел уже.

В школе и в библиотечном техникуме, куда я потом поступила, нам учителя ходить в церковь запрещали. Однажды мои сокурсницы на Пасху ходили, просто около храма постояли, не заходя на службу, так их потом стали прорабатывать на всех собраниях, чуть из техникума не выгнали. Так что единственной связью с церковью в то время стали записки о здравии и упокоении, которые я писала для тётки, потому что она была безграмотная. Такое у меня было послушание. Может быть, благодаря моей тёте я потом и стала верующей.

Но по-настоящему обратилась я к Богу и начала молиться, когда вышла замуж и у нас родился сын. Он заболел, и мне тётя посоветовала его окрестить. Я пригласила священника домой, и он тайно крестил и сына, и моего мужа. Муж у меня на судоремонтном заводе работал, и когда его начальника Чапыгина перевели в Сыктывкар директором Красназатонского судостроительного завода, он стал приглашать из Устюга рабочих, и мужа тоже к себе переманил. Так мы очутились в Сыктывкаре. И здесь я уже стала постоянно ходить в кочпонский храм.

Особенно сильно молилась за сына, потому что муж мой, как и папа, умер в молодом возрасте. И я сильно боялась за сына, думала, что у него такая же судьба будет. Слава Богу, сын жив до сих пор. У него трое детей. У меня уже и правнуки есть. Каждый день за всех своих родственников молюсь.

Любовь Ивановна вздыхает и крестится.

Моряк Северного Флота

В этот день семейство старосты пришло в храм помолиться за отца Надежды Михайловны – Михаила Ивановича Карпова, который умер полгода назад. Ветеран Великой Отечественной войны, бывший моряк Северного флота, в войну он служил на торпедных катерах в Баренцевом море.

Разговор за чашкой чая постоянно возвращался к этому удивительному человеку.

– Свёкор прожил 85 с лишним лет, умер 21 сентября, – вздыхает Николай Иванович. – А последний внук Коля у нас родился 22 сентября... Вот так – один умер, другой родился. Михаил Иванович воевал с 1943 года до дня Победы, потом ещё семь лет прослужил на Северном флоте. Только в 50-м году вернулся домой с тремя медалями.

До конца жизни он был физически крепок. Только за две недели до смерти у него обнаружили рак.

– Папа ни разу никому не сказал, что у него что-то болит, – говорит Надежда Михайловна. – Очень скромный был. Один раз, когда они в Пезмоге жили, спас беременную женщину. Узнали об этом мы только на его похоронах. У женщины тогда были первые роды, и её срочно нужно было перевезти в больницу на другую сторону реки. А тогда через речку моста не было и как раз шуга шла, ледоход, никто не соглашался это сделать. Только отец повёз на своей лодке. Она вспоминала это и плакала.

– Это действительно геройский поступок, – соглашаюсь я, – если бы лодка перевернулась, то вряд ли удалось бы спастись.

– Папа бы спас, он же моряк, хорошо умел плавать, – не соглашается Надежда Михайловна. – Он по шуге по большой воде Вычегду переплывал. Как-то раз они на катере плот буксировали в Лемью. Ночь, темно. Приборы показали, что в машинном отделении какие-то неполадки. Папа из рубки направился туда и на палубе в темноте не заметил цепочку под ногами, споткнулся и вывалился за борт. Оказавшись в холодной воде, он не растерялся и по шуге доплыл до берега. А берег обледеневший, он кое-как вылез на него. Прошло уже довольно много времени, когда второй матрос спохватился: «Что-то Михаил Иванович долго не идёт!» Когда выяснилось, что его нет, катер развернули, и они нашли его на берегу. Несмотря на то что папа долгое время находился мокрый в холодную ночь, он даже не заболел.

– Его Господь с детства хранил, – продолжает вспоминать отца Надежда Михайловна. – У нас со всего района на войну взяли 29 человек. Все погибли, потому что сразу же попали на Курскую дугу. А его одного из-за маленького роста отправили воевать на флот. И на войне он всегда чувствовал помощь Божию. Так он всегда нам и говорил, что Господь его сохранил для того, чтобы родились мы – его дети и внуки.

Из колодца

– А вы в жизни чувствовали на себе помощь Божию? – спрашиваю Надежду Михайловну.

– У меня был один удивительный случай Божьей помощи, о котором я никогда никому не рассказывала – такой он был невероятный.

Когда мы жили ещё в старом неблагоустроенном доме в пригороде Сыктывкара, мужа по работе направили в Новгородскую область. А я осталась с двумя маленькими детьми одна, да ещё в положении, на восьмом месяце. Рядом с нашим домом был заброшенный колодец, из которого мы брали воду для бани. Зимой он замерзал, и муж мой спускался внутрь этого колодца до самой воды, проделывал топориком лунку для ведра во льду, а потом поднимался наверх и уже сверху спокойно набирал воду ведром на верёвочке.

От воды до верха колодца два с половиной метра. И вот в отсутствие мужа мне нужно было баню истопить, бельё постирать. И я беременная, не подумав о последствиях, спустилась в этот колодец до самого льда. Потюкала топориком, сделала лунку, хотела подняться, а дотянуться до верха не могу. У меня аж дух перехватило: что же я наделала?! Из колодца только кусочек неба видно, всё скользкое, заледенело, выбраться совершенно невозможно. И звать на помощь бесполезно: колодец на отшибе, люди рядом вообще никогда не ходят.

И вот тут я взмолилась: «Господи, у меня же дома двое маленьких детей остались, пяти и семи лет. Они же погибнут! Я ведь ещё и закрыла их дома одних на замок. Помоги мне, Господи, и спаси жизнь ребёночка, который во мне!» Это был крик утопающего, у которого осталась только одна надежда – на Бога. И тут, видимо, я потеряла сознание. Снова память ко мне вернулась, когда я уже шла мимо соседней домой. Как выбралась из колодца – не помню. После этого я ещё баню затопила, детей вымыла, бельё постирала...

А потом часто думала о том, как я могла выбраться из этого колодца. Физически сделать это мне было совершенно невозможно. Долго я об этом думала-размышляла, пока Господь через сон не показал мне, как Он меня спас. Снится аналогичная ситуация: будто маленький ребёнок упал в воду с крутого обрыва, я прыгнула за ним в водоём спасать его, взяла на руки, а подняться наверх не могу. Берег очень крутой, скользкий, сырой. Ребёночек успокоился, дышит на меня спокойно, глазки свои закрыл. И я глаза закрыла, только от отчаяния думаю про себя: «Ну всё, тут мы вместе с ним и погибнем!» И вдруг какая-то сила поднимает меня наверх. Я открываю глаза. «Кто же, – думаю, – это меня поднимает? Я же такая тяжёлая, да ещё с ребёнком». И вижу перед собой лик Господа Вседержителя, Который мне из-под плащаницы улыбается. Господь точно такой же, как на иконе Нерукотворного Образа...

Действительно, ничем иным, как чудом Божиим, моё спасение объяснить нельзя...

По-другому не будет

Ещё один случай, который можно объяснить только помощью Божией, тут же вспомнил Николай Иванович. Произошло это с внуком Серёжей.

– У него один глаз постоянно был воспалённым и гноился. Когда мы в очередной раз пришли к нашему сельскому доктору – Серёже тогда месяца три было, – врач хотел металлической иглой пробить ему слёзный канал, который, по его мнению, закрылся. Но ребёнок тогда не дался, заревел. Врач согласился: «Ну ладно, в следующий раз придёте!»

Мы решили отвезти внука в город в республиканскую больницу. Там врач посмотрел. «Кто это, – удивился, – хотел сделать прокалывание? У вашего ребёнка вообще нет слёзного канала!» Потом Серёже сделали две операции, но ничего не помогало. Врачи руками развели. Тогда родители окрестили нашего внука, а потом все вместе мы стали ходить в Никольскую церковь в Пичипашню и постоянно молиться за него. И после этого глаз перестал гноиться и болеть...

Николай Иванович с супругой всю жизнь прожили на селе, работая в сельском хозяйстве, и, наверно, поэтому после рассказов о родных и близких разговор не мог не обратиться в эту сторону. Я поинтересовался, как они пережили распад колхозов.

– Конечно, душа очень болит за это разрушение, – сказал Николай Иванович. – Но при той политике, которую сегодня ведёт наше правительство, по-другому уже не будет. Что-то надо делать самим людям.

– Так в деревнях людей не осталось, кому работать-то?

– Такое положение ещё до перестройки было, – говорит Надежда Михайловна. – Чтоб совхозных коров подоить, конторских работников снимали с работы. Я тогда в совхозной бухгалтерии работала, часто вместо доярок мы коров доили. Приходилось нам и сено косить, и лес валить. Мы дома сами корову держали, двух телят, до пяти свиней, по две сотни кур и кроликов.

С утра до вечера работали. Сено приходилось косить за несколько километров от села. А сейчас коров мало кто держит, все поля вокруг деревень позаросли лесом.

– И в наше время в деревнях есть хваткие люди, – не соглашается с супругой Николай Иванович. – Правда, их единицы. В основном, конечно, все ищут выгоды, работать не хотят. Ещё когда в Палевицах председателем сельсовета был, выдавал я льготные государственные ссуды будущим фермерам, но они на них понастроили себе магазины и начали торговать. Вот и всё фермерство. Я так думаю, что должна вырасти новая молодёжь, которая будет иначе относиться к работе на земле. Тогда и наши деревни поднимутся, и вся страна...

Может быть, он прав. Во всяком случае, моральное право так говорить Николай Иванович имеет: им с супругой удалось воспитать детей, которые трудятся на своей земле, построили добротные дома, ведут хозяйство, родили детей. Они, я верю, в свою очередь продолжают хранить веру православную, наполняя этот храм жизнью.

Евгений СУВОРОВ

Фото автора и из архива прихода мч. Евфимия Вильгортского